
ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 3—13
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.1

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 3—13
ББК 66.04
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.1

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС В ПОЛЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ

С. Г. Айвазова

Институт социологии, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
svetlana-ajvazova@yandex.ru

В статье нашли отражение размышления о том, что такое поле (пространство) политики и каким образом изменяющийся политический контекст оборачивается метаморфозами в нормативных предписаниях и дискурсе влиятельных политических игроков. В России последних лет наиболее очевидными стали метаморфозы гендерного дискурса. Именно поэтому автор делает акцент на вопросах о том, насколько взаимосвязаны феномены политического и гендерного; об особенностях участия женщин в политическом процессе в поле консервативной политики; о воспроизводстве онтологической морали в качестве неизменного атрибута консервативной политики, которая по определению нацелена на закрепление сложившихся социальных иерархий.

Особое внимание уделяется анализу объяснительных социологических концепций П. Бурдьё (габитус) и И. Гофмана (дисплей), описывающих эффективные механизмы традиционной социализации — социализации посредством символического насилия, гарантирующего институциональную устойчивость гендера за счет формирования и поддержания определенных символов и образов, которые объясняют и усиливают, а следовательно, производят и воспроизводят паттерны господства и подчинения между мужчинами и женщинами.

Ключевые слова: политическое поле, гендер, эмансипация, консерватизм, эссенциализм, габитус, гендерный дисплей.

© Айвазова С. Г., 2017

Публикация подготовлена в рамках проекта «Конструирование поля политики в России: институциональный анализ», включенного в государственную программу Института социологии РАН (2017—2019 гг.).

GENDER DISCOURSE IN THE FIELD OF CONSERVATIVE POLICY

S. G. Aivazova

Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
svetlana-ajvazova@yandex.ru

For researchers a conservative wave that covered the field of Russian politics became an impulse for reflection about what the field (or space) of politics is and in which way the changing political context turn into metamorphoses in normative political regulations and influential political actors' discourse. Recently metamorphoses in gender discourse of this field have become most evident in Russia. That is why the author focuses on the following issues: how interdependent in principle are the phenomena of political and gender; peculiarities of women's participation in political process in the field of conservative politics; reproduction of ontological morality as an unvarying attribute of conservative politics that by definition is aimed at consolidating existing social hierarchies.

Special attention is paid to the analysis of explanatory sociological concepts by P. Bourdieu (*habitus*) and I. Goffman (*display*) that describe effective mechanisms of traditional socialization, that is socialization by means of symbolic violence that guarantees institutional sustainability of gender owing to formation and maintenance of certain symbols and images explaining and strengthening — and therefore — producing and reproducing the patterns of domination and submission between men and women.

Key words: political field, gender, emancipation, conservatism, essentialism, *habitus*, gender display.

Консервативная волна, накрывшая поле российской политики, стала импульсом к размышлениям над тем, что такое поле (пространство) политики, по каким правилам оно функционирует и каким образом изменяющийся политический контекст оборачивается метаморфозами в нормативных предписаниях и дискурсе политических игроков. В последние годы в России очевидными стали негативные метаморфозы гендерного дискурса. Примеров тому множество: депутаты Государственной думы практически положили под сукно законопроект о гендерном равноправии; православные активисты предприняли массированное наступление на законопроект о профилактике домашнего насилия; началась агрессивная антиабортная кампания и т. д. Закрепленная еще в начале 90-х гг. во многих законодательных актах Российской Федерации, включая Основной закон страны, эмансипационная норма «равных прав и свобод и равных возможностей их реализации для женщин и мужчин» оказалась напрочь забытой. На смену ей пришли сентенции онтологической морали, скрепленные идеей естественного назначения полов, т. е. биологическим детерминизмом и эссенциализмом.

Является ли эта ситуация некоей российской спецификой или, напротив, те или иные повороты в поле политики, в разных вариантах хорошо известные в истории, неизменно сопровождаются схожими метаморфозами гендерного дискурса? Насколько в принципе взаимозависимы феномены политического и гендерного?

Вопросы сложные, многоуровневые. Вряд ли возможно ответить на них в рамках одной небольшой работы. Но поскольку они, так или иначе, уже поднимались и политическими философами, и социологами, и теоретиками гендерной политологии, то, обобщая и развивая не во всем совпадающие точки зрения, коротко обозначу самые общие подходы к ним.

Начну с понятия «политическое поле». Один из самых авторитетных социологов современности П. Бурдьё, сформулировавший это понятие, определял его как «поле символической борьбы, где профессионалы представления (во всех смыслах этого слова) противостоят друг другу по поводу какого-то иного поля символической борьбы...» [Бурдьё, 1993]. Кроме того, как место, где в конкурентной борьбе между втянутыми в нее игроками рождается политическая продукция: программы, анализы, комментарии, концепции, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей» и тем скорее рискующие попасть впросак, чем более удалены они от самого места подобного производства. В этом поле специфическим образом выстроены позиции (у Бурдьё — диспозиции) тех, кто властью обладает (доминирующий), и тех, кто лишен власти («доминируемый»). Первые навязывают вторым свое видение картины мира, распределения политических сил, признания или непризнания механизмов легитимного насилия. В политическом поле, по словам российского социолога А. Филиппова, «люди противостоят друг другу как группы» [Филиппов, 2013], которые вступают в жесткую политическую борьбу и в случае победы переопределяют, или «переучреждают», сложившийся политический порядок.

Теперь о том, как включено в это поле гендерное измерение, т. е. о взаимосвязи/взаимозависимости политического и гендерного. Эта взаимосвязимость общепризнана, тем не менее во многих случаях при анализе конкретных ситуаций она выпадает из сетки анализа исследователей. Между тем, это значимый фактор, определяющий тренды политического процесса. Поэтому, несмотря на возможные упреки в том, что повторяю общие места гендерной теории, все-таки напомним, что гендер в первую очередь является институтом, который предназначен для воспроизводства властных отношений социального неравенства, обусловленного разными статусами мужчин и женщин. Известный политический историк Дж. Скотт справедливо отмечала, что «гендер есть первичное средство означивания отношений власти» и добавляла: «Гендер есть первичное поле, внутри которого или посредством которого артикулируется власть». По ее убеждению, «политика конституирует гендер, а гендер конституирует политику» [Скотт, 2001a: 422, 425, 426]. Политические подходы и решения определяют характер нормативных предписаний, а значит, и тех или иных иерархически выстроенных нормативных ролей, назначаемых мужчинам и женщинам, которые, в свою очередь, становятся социальной конструкцией биологической реальности. Иными словами, «политическая история разыгрывается на поле гендера» [Скотт, 2001a: 430]. Везде и всегда, пока сохраняются гендерные иерархии.

Начну с первой части этого тезиса: *политика конституирует гендер*. Влиятельный политолог К. Вельцель утверждает, что современная история развивается чередованиями циклов эмансипации и демократизации с циклами так называемой де-демократизации и усиления угнетения. Циклы угнетения,

по Вельцелю, связаны «с ситуацией, в которой у большинства людей нет возможности пользоваться свободами, потому что они испытывают хронический дефицит ресурсов для действий. Типичный случай: большинство людей бедны, неграмотны и изолированы в местных узких группах...» [Вельцель, 2017 : 390].

Не вдаваясь в подробности его фундированной концепции, отмечу, что Вельцель считает гендерное равенство важнейшим показателем высокого уровня эмансипации. И в то же время подчеркивает, что существует прямая связь между становлением авторитарных режимов и ужесточением контроля над женщинами.

Такой контроль идеологически оформляется легитимацией маскулинного доминирования — доминирования силы над слабостью, когда к слабым относят в первую очередь женщин. Для обоснования и закрепления мужского доминирования маскулинность отождествляется с защитой порядка, что «означает защиту Трона, Алтаря и границ половых различий. Эти значения неразрывно соединены» [Скотт, 2001b: 951]. При этом маскулинное кодируется как политическое, публичное; феминное же как приватное — до- или вне-политическое, т. е. «конститутивное внешнее» по отношению к основному, фиксирующее границы политического поля. Дж. Батлер, одна из основательниц гендерной политологии, подчеркивала: «Основания политики (универсальность, равенство, правовой субъект) выстроены через акты немаркированных расовых и гендерных исключений и путем слияния политики с публичной жизнью, где приватное (репродукция, сфера) раскрывается как до-политическое» [Батлер, 2001: 256].

Гендерные исследователи убедительно показали, что, так или иначе, политические установки режимов, поддерживающих консервативную идеологию, при всех различиях в культурных основаниях, во времени и пространстве, в «женском вопросе» имели именно этот общий знаменатель — установление контроля над женщинами. Отсюда содержательное сходство подобных гендерных политик: акцентирование материнской функции женщин — при полном праве мужчин «надзирать и наказывать», в том числе и путем домашнего насилия, регламентации женской одежды, запрета на аборт, а подчас (в зависимости от ситуации) и запрета на женский наемный труд и уж тем более на участие в общественной жизни. При этом все они опирались на эссенциализм* как на матрицу онтологической морали, превращая эту систему взглядов в атрибут крайнего консерватизма, который по определению нацелен на закрепление сложившихся социальных иерархий, включая гендерные.

Для подтверждения этого тезиса приведу пару конкретных примеров. Итальянская исследовательница В. де Грация, раскрывая содержание политики Муссолини по «женскому вопросу», отмечала: «Диктатура Муссолини

* Слово происходит от латинского «essential» — обязательно существующий, непреходящий. Понятием «эссенциализм» объединены теоретические концепции, в которых делается попытка зафиксировать некую неизменяющую, в данном контексте — женскую, сущность. В его основе лежит идея о том, что есть нечто «данное» (Богом или Природой), существующее извечно и поэтому неизменное, что позволяет проследить, как складывалась эта «данность». Обязательным атрибутом таких теорий является бинарность мужского и женского: женщина противопоставляется мужчине.

представляла собой характерный эпизод патриархатного режима. Он выдавал за непреложное, что мужчины и женщины различны по самой своей природе... Этот режим политизировал данное различие в пользу итальянских мужчин и выстраивал на этой основе чрезвычайно репрессивную, всеобъемлющую и беспрецедентную систему определения женского гражданства, увязав с ней контроль над женской сексуальностью, оплату женского труда и участие в жизни общества. В конечном счете эта система являлась неотъемлемой частью стратегий, направленных на построение диктатуры» [De Grazia, 1992: 115—116].

Француженка Э. Эк, рассказывая о положении женщин при режиме Виши, установившемся на юге Франции в годы Второй мировой войны, в качестве его главной черты называла строгое разделение сфер политического и частного как маскулинного и феминного. Она писала, например, что «провозглашенная режимом программа Национальной Революции предложила женщинам символический и идеальный универсум материнства, семьи и дома, в то время как задача государства заключалась в регулировании и решении совсем других, коллективных и конкретных, проблем: дефицит, социальная помощь, рабочая сила для Германии» [Еск, 1992: 185].

В условиях консервативного наступления наших дней, которое может допускать участие лояльных режиму женщин в политическом процессе, это участие не просто резко осложняется, оно оборачивается для женщин, условно говоря, потерей идентичности. Как правило, их число в эшелонах власти незначительно, и для продления своего существования в этом поле они вынуждены вести себя в соответствии с заданными нормативами, а потому выстраивать свой имидж не в соответствии с принадлежностью к социальной группе «дискриминируемые женщины», но как персоны, допущенные (в виде исключения) в мужской мир политики, т. е. в соответствии с атрибутами доминирующей маскулинности. В этом случае многие из них становятся самыми рьяными поборницами эссенциализма и выступают с такими радикальными инициативами, указывающими всем другим женщинам на их место в социуме, с которыми не осмеливаются выступать их коллеги-мужчины.

А. Сокуров, рассказывая в одном из недавних интервью о своих фильмах, исследующих природу власти («Молох», «Телец», «Солнце»), особо выделил следующий тезис: «Для меня это... больше история мужчин, то, как они себя ведут и во что превращаются при определенных политических обстоятельствах. Мы пока не знаем, во что в подобных же обстоятельствах превратятся женщины. По нашему сегодняшнему опыту, все женщины, попадающие в российский парламент, являются инициаторами наиболее жестокосердных законов. Самые крайние, жестокие идеи исходят именно от правительствующих женщин. Пока для нас это — теневая история, но из тени она в любой момент может выйти на свет...» [Сокуров, 2016].

Объяснительные концепции этого феномена «выхода женщин за границы своего пола» расходятся в акцентах. Дж. Скотт, например, будучи историком феминизма, считает, что в таком случае «физическое присутствие особ женского пола в поле политики не всегда точный знак того, что женщины... мобилизованы как женщины» [Скотт, 2001b: 957], т. е. как специфическая категория дискриминируемых, осознающих свою дискриминацию. Не то чтобы возражает,

но уточняет природу данного феномена теоретик власти С. Льюкс, который определяет такой тип мобилизации как мобилизацию традиционных «предрасположенностей» или (по Бурдьё) диспозиций дискриминируемых. По мнению Льюкса, поведение женщин в таком случае скорее является убедительным примером «добровольного согласия с господством» [Льюкс, 2010: 199] и социальным неравенством.

Соглашаясь с Льюксом, отмечу, что массовое поведение рядовых избирателей в таких условиях также является собой пример «добровольного согласия с господством», т. е. «мобилизации предрасположенностей». Только выражается оно иначе: не в законодательных инициативах, а в характере их голосования — голосования ритуального, а не сознательного, за ту силу, которая доминирует над ними [Айвазова, 2016: 252].

Очевидно, что таким образом *гендер конституирует политику*, что соответствует тезису Дж. Скотт о взаимовлиянии гендера и политики, на который я ссылаюсь в начале статьи. Какие же механизмы действуют в таком случае в политическом поле? Отвечая на этот вопрос, теоретики власти снова выходят на темы эссенциализма.

Так, с точки зрения С. Льюкса, гендерное неравенство обеспечивает легитимацию власти в первую очередь за счет формирования так называемого ложного исторического сознания — внушения подчиненным того, что условия их существования являются естественными, существующими испокон веку. Такого рода манипуляция массовым сознанием сопровождается установлением ложного консенсуса между неравными сторонами властных отношений [Льюкс, 2010: 24].

Справедливости ради замечу, что на это свойство власти едва ли не ранее других обратил внимание английский позитивист Дж. Ст. Милль, знаменитая книга которого «Подчиненность женщины» была опубликована в России еще во второй половине XIX в. Милль писал в ней, ссылаясь на нравы Викторианской Англии, что все женщины с самого раннего возраста воспитывались здесь в сознании того, что их идеальный характер противоположен мужскому; их наставляли, что долг женщины и все чувства, которые составляют ее природу, подвигают к тому, чтобы жить ради других [Милль, 1870]. Комментируя эти тезисы Милля, М. Цебрикова, одна из первых русских журналисток и самых известных в ту пору, в предисловии ко второму русскому изданию книги подчеркивала: «Общество... обрекая женщин на вечную зависимость и подчиненность, выработало свой идеал женщины. Из купленной или захваченной силой рабы оно сделало добровольную невольницу, которая повиновалась не из чувства страха, а из сознания долга и любви» [Цебрикова, 1870: V].

Эту способность власти-господства к использованию манипулятивных технологий, пронизанных духом эссенциализма, во многих своих работах описывал П. Бурдьё. Из-под его пера вышла, в частности, книга-эссе «Мужское господство», которая была специально посвящена проблемам угнетения женщин, т. е. гендерного неравенства [Bourdieu, 1998]. Впрочем, к этой теме он обращался и раньше, в том числе и тогда, когда формулировал понятие «политическое поле». При этом Бурдьё во многом учитывал разработки американского ученого И. Гофмана. Социологи, знавшие друг друга, но выстраивавшие каждый свой

собственный оригинальный теоретический подход к прочтению реальности: Гофман — теорию символического интеракционизма, Бурдьё — теорию диспозиционных практик, пришли к выводу о том, что гендерное неравенство является едва ли не самым надежным основанием для поддержания социальных иерархий. Предложенные ими объяснительные схемы отличаются убедительностью и острой актуальностью, поэтому остановлюсь на них подробнее.

Оба теоретика исходили из того, что сохранение гендерного неравенства во многом обеспечивается за счет символического насилия, т. е. формирования и поддержания гендерных стереотипов, определенных символов и образов, которые объясняют и усиливают, а следовательно, производят и воспроизводят паттерны господства и подчинения между мужчинами и женщинами. Именно таким образом в процессе взаимодействия индивиды создают разделяемые культурные схемы (фреймы), которые влияют на характер этого взаимодействия. Оба теоретика выделяли такие формы коммуникации, как ритуалы, церемонии, вообще закрепленные формы эмоционально мотивированного поведения, которые превращаются в некие «видо-утилитарные» правила-образы или модели уместного в конкретной ситуации поведения. Последние И. Гофман окрестил «дисплеи» [Гофман, 2001: 306], Бурдьё — «габитусы» [Бурдьё, 1993].

Габитус у Бурдьё — это система приобретенных предрасположенностей, которые порождают и организуют представления и практики индивида. Будучи объективно предназначенными для достижения определенных результатов, такие предрасположенности не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства. Габитус порождается средой, условиями существования путем их внутреннего усвоения (интериоризации) индивидом. Это — результат его индивидуальной истории и социального опыта. Вместе с тем габитус структурирует и новый опыт, который, в свою очередь, может трансформировать исходные ментальные структуры. Иными словами, габитус зависит от социальной «траектории» индивида. В этом плане габитус есть «инкорпорированный класс» (включая не только биологические, но и социальные свойства индивида, например пол и возраст). По мнению Бурдьё, факторы, оказывающие на индивидов свое действие на протяжении всего их существования, образуют систему, внутри которой главный вес приходится на имеющийся у них социальный капитал, а также на соответствующую позицию в отношениях производства и воспроизводства.

Особенность габитуса в том, что он является бессознательной структурой: это — глубоко укорененные и даже «забытые» навыки, привычки и т. д. Бессознательность габитуса предопределена его телесностью; установки вписаны в телесность и проявляются в манере, стиле речи и поведения согласно с давно усвоенными требованиями. Габитус производится средой, следовательно, сходные условия, т. е. позиции, генерируют сходные габитусы членов группы, класса. Бурдьё подчеркивает, что социальный класс — это класс схожих условий, а также класс индивидов, обладающих сходным габитусом; практики членов группы изначально скоординированы габитусом, как бы выступающим основой их спонтанной солидарности.

Гофман обращал внимание примерно на те же процессы, но слегка смещал акценты анализа в сторону социальной психологии. Его дисплеи функционально

«обеспечивают доказательства принадлежности актора» к сообществу, его «соравности» этому сообществу. И в этом смысле «дисплеи являются в той же степени важными, в какой важно само это равенство». Гофман различает дисплеи симметричные и асимметричные. Симметричные дисплеи уравнивают акторов, асимметричные — свидетельствуют об иерархии в их отношениях. При этом социолог подчеркивает, что важнейшей разновидностью асимметричного дисплея выступает гендерный. Гендерный дисплей — один из самых эффективных механизмов социализации, гарантирующий долговечность, институциональную стабильность гендера. Он закрепляет гендерную иерархию с помощью устоявшихся наборов ситуационных символических средств, которые обеспечивают репрезентацию индивида в той или иной ситуации. По мнению Гофмана, «гендер является одной из наиболее укорененных характеристик человека. Феминность и маскулинность в некотором смысле являются прототипами всякого эссенциального выражения — это нечто, что может быть выражено, пусть и достаточно поверхностно, в любой социальной ситуации, но при этом — нечто, что определяет сам базис индивидуальной конфигурации» [Гофман, 2001: 327]. Предписанное «мужское» и «женское» поведение уходит своими корнями в глубокую историю организации общества. Именно поэтому его никак нельзя сбрасывать со счетов: «Гендерные экспрессии являются самим порядком нашего бытия, не более чем шоу, но львиная доля того, что составляет само существо социума, вовлечено в постановку именно этого шоу» [там же: 332].

В символическом интеракционизме Гофмана гендерная иерархия рассматривается как основа нормативного поведения, постоянно воспроизводящегося посредством дисплеев и взаимодействий, которое в результате воспринимается как «должное», т. е. «предопределенное самой природой». Поэтому, скажем, ни массовый выход женщин в общественное производство в ходе промышленного переворота и позднейшей индустриализации, ни полученный женщинами доступ в сферу среднего и высшего образования, ни даже обретение ими гражданских прав, т. е. включение в институт гражданства, не смогли сразу же принципиально повлиять на статусную иерархию во взаимодействиях женщин и мужчин. Гофман пояснял, в частности, что «гражданский титул мужчины может быть как бы расширен в отношении женщины, но никогда — наоборот» [там же: 327]. И еще: «Женщины социально приравниваются к мужчинам-подчиненным, в то время как и женщины, и мужчины-подчиненные социально приравниваются к детям». «Младшие» обязаны подчиняться «старшим», как ребенок подчиняется родителям: «Они должны дважды подумать, прежде чем открыто высказывать свое неудовольствие, поскольку тот, кто проявляет мягкую заботу, в любой момент может сменить курс и продемонстрировать дружную сторону его власти» [там же: 322].

Так через дисплеи или габитусы, несмотря на социальные изменения, воспроизводятся гендерные иерархии. И эссенциализм, как основа присущего консервативной политике символического насилия, играет в этом воспроизводстве ключевую роль.

Было бы неверно, на мой взгляд, в этом контексте хотя бы коротко не остановиться на том, что эссенциализм может быть использован в политическом поле не только теми, кто нацелен на сохранение социальных иерархий, включая

гендерные, но и теми, кто в интенции стремится к их преодолению. К нему, в частности, прибегают политические игроки, озабоченные проблемой репрезентации женщин в случае их выведения из пространства феминного, «дополитического» в поле большой политики. Решаясь на этот шаг, многие соискательницы политических постов обращаются к эссенциализму как к некоей бесспорной и вневременной системе установок, способной оправдать их притязания на присутствие в этом поле. Характерно, что при этом большинство из них говорят об особом назначении женщин в политике и противопоставляют «этику материнской заботы», «женские» ценности любви, признания нужд «другого» — «отцовской этике справедливости». Что происходит в этом случае в поле политики? Апеллируя к этим постулатам онтологической морали, такие соискательницы депутатских мандатов вольно или невольно не только затягивают в ловушку эссенциализма своих избирательниц, но и сами попадают в нее. Политолог Ш. Муфф, специально разбиравшая такую политическую позицию, категорически отвергала ее и, на мой взгляд, совершенно справедливо отмечала, что расширение возможностей для женщин в поле политики должно происходить не посредством акцентирования половых различий, но «посредством конструирования новой концепции гражданства, где половые различия были бы политически неуместными». И с этой точки зрения «бросать подлинный вызов любой ситуации доминирования можно только на основе принципов прав человека, свободы и равенства» [Муфф, 2001: 223]. Это ее утверждение осознается сегодня немногими — и в теории, и на практике. Отсюда потребность в более развернутой рефлексии об условиях создания подлинного равноправия женщин в поле политики. Один из элементов такой рефлексии — последовательный антиэссенциализм, или «критика форм и условий господства в обществе, проведенная и на уровне их культурного и теоретического инструментария» [там же]. Задача такой критики, как точно сформулировал философ Б. Капустин, заключается в формировании особого «отношения к угнетению, осознаваемому угнетенными в качестве такового, как к недолжному» [Капустин, 2009]. Задача сложная, но, надо надеяться, выполнимая.

Библиографический список

- Айвазова С. Г. Эмпауэрмент как проблема российской массовой политики // Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. М.: Полит. энцикл., 2016. С. 248—258.
- Батлер Дж. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 235—258.
- Бурдые П. Социология политики. 1993. URL: <https://refdb.ru/look/1481123-pall.html> (дата обращения: 25.04.2017).
- Вельцель К. Рождение свободы. М.: ВЦИОМ, 2017. 404 с.
- Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 306—336.
- Капустин Б. Тезисы о политической философии. 2009. URL: <https://www.hse.ru/data/2009/10/13/1228820545/kapustin.pdf> (дата обращения: 22.08.2016).

- Льюкс С. Власть. Радикальный взгляд. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 240 с.
- Милль Д. С. Подчиненность женщины. СПб.: Изд-во Звонарёва, 1870. 317 с.
- Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 214—235.
- Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001а. Ч. 2. С. 405—437.
- Скотт Дж. Некоторые размышления по поводу гендера и политики // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001б. Ч. 2. С. 946—963.
- Сокуров А. Интервью С. Конеген от 29 октября 2016 г. URL: <http://www.svoboda.org/a/28069242.html> (дата обращения: 20.04.2017).
- Филиппов А. Где живет политика: проект «Публичные лекции “Полит.ру”». 2013. URL: <http://polit.ru/article/2013/06/18/filipov/> (дата обращения: 20.02.2017).
- Цебрикова М. К. Предисловие к книге Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» // Милль Д. С. Подчиненность женщины. СПб.: Изд-во Звонарёва, 1870. С. I—XV.
- Bourdieu P. La domination masculine. Paris: Seuil, 1998. 142 p.
- De Grazia V. Le patriarcat fasciste. Mussolini et les Italiennes // Histoire des femmes en Occident. Paris: Plon, 1992. Vol. 5: Le XX sciecle. P. 115—142.
- Eck H. Les francaises sous Vichy // Histoire des femmes en Occident. Paris: Plon, 1992. Vol. 5: Le XX sciecle. P. 185—209.

References

- Aivazova, S. (2016) Ėmpauèrment kak problema sovremennoĭ massovoĭ politiki [Empowerment as a problem of contemporary mass politics], in: Patrushev, S. V. (ed.), *Massovaia politika: institutsional'nye osnovania*, Moscow: Politicheskaia èntsiklopediia, pp. 248—258.
- Batler, D. (2001) Sluchaĭno slozhivshiesia osnovaniia: feminism i vopros o “postmodernisme” [Contingent foundations: Feminism and the question of “postmodernism”], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 235—258.
- Bourdieu, P. (1998) *La domination masculine*, Paris: Seuil.
- Burd'e, P. (1993) *Sotsiologiia politiki* [Sociology of politics], available from <https://refdb.ru/look/1481123-pall.html> (accessed 25.04.2017).
- De Grazia, V. (1992) Le patriarcat fasciste. Mussolini et les Italiennes, in: *Histoire des femmes en Occident*, vol. 5, Le XX sciecle, Paris: Plon, pp. 115—142.
- Eck, H. (1992) Les francaises sous Vichy, in: *Histoire des femmes en Occident*, vol. 5, Le XX sciecle, Paris: Plon, pp. 185—209.
- Gofman, I. (2001) Gendernyi displeĭ [Gender display], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 306—336.
- L'uks, S. (2010) *Vlast'. Radikal'nyi vzgliad* [Power: A radical view], Moscow: Gosudarstvennyi universitet “Vysshiaia shkola èkonomiki”.
- Mill', D. S. (1870) Podchinènnost' zhenshchiny [The subjection of woman], St. Petersburg: Izdatel'stvo Zvonařeva.
- Muff, Sh. (2001) Feminism, grazhdanstvo i radikal'naia demokpaticheskaia politika [Feminism, citizenship and radical democratic politics], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 214—235.
- Scott, D. (2001a) Gender: poleznaia kategoriia istoricheskogo analiza [Gender: A useful category of historical analysis], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 405—437.

- Scott, D. (2001b) Nekotorye razmyshleniia po povodu gendera i politiki [Some reflexions on gender and politics], in: *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2, St. Petersburg: Aleteïia, pp. 946—963.
- Тсебрикова, М. К. (1870) Predislovie k knige D. S. Mill'ia “Podchinënnost' zhenshchiny” [The subjection of woman], St. Petersburg: Izdatel'stvo Zvonarëva, pp. I—XV.
- Vel'tsel', K. (2017) Rozhdenie svobody [Freedom rising], Moscow: VTsIOM.

Статья поступила 24.07.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Айвазова Светлана Григорьевна — доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии РАН; член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, г. Москва, Россия, svetlana-ajvazova@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Chief Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).